

Шахиншах азербайджанской ПОЭЗИИ

Абузар БАГИРОВ,

*писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ*

*Портрет шаха Исмаила I. Неизвестный художник
круга Беллини. XVI в. Уффици, Флоренция*

Древние мудрецы утверждали, что судьба каждого человека, от появления на свет и до ухода в загробный мир, predeterminedena свыше. Жизненный путь каждого божьего создания, особенно человека, расписан в небесной канцелярии на отдельных скрижалях. В этом божественном промысле самому человеку отводится роль лишь подневольного исполнителя, в лучшем случае умелого, добросовестного подмастерья. Всевышний наделяет каждого из нас индивидуальной функцией, миссией. Кто-то выполняет в этом мире добрую миссию, а кто-то – злую. На кого какую миссию возложить – это в исключительной компетенции Бога. Так ли это? Над этим вопросом не одно тысячелетие ломают копья философы и теологи, но доньше никто, кроме самого Создателя, не знает исчерпывающего ответа на эту загадку. Но Он никогда не раскрывает до конца истину своих помыслов. Отсюда и зарождается вечная борьба между Добром и Злом. Однако, по-видимому, **во все времена были особо избранные Всевышним, который создавал их исполнителями только добрых дел.** Может быть, это и есть столбовой стержень, суть и смысл человеческой жизни, сокровенная тайна, божественно неосызаемая связь с мироздателем?!

Личность поистине феноменальная в истории азербайджанской культуры и государственно-сти, шах Исмаил Хатаи без преувеличения божий избранник, носитель и исполнитель множества

добрых миссий: он доблестный воитель, идеолог-предводитель, собиратель земель, выдающийся правитель, гениальный поэт...

Абулмузаффар Исмаил Гейдар оглы родился 17 июля 1487 года в Ардебиле в семье известного поэта и правителя шейха Гейдара из рода шейха Сафияддина Исхака (1252-1334), основателя суфийско-философского течения «сефевийе». Жизнь Исмаила с малых лет была полна приключений, ему не раз грозила смерть. Он

с юных лет участвовал в боевых ристалищах, владел мечом, лихо ездил на коне и снискал в народе славу бесстрашного джигита.

Ещё в XIII веке сефевидские шейхи в Ардебиле создали маленькое феодальное государство, и постепенно расширяя своё религиозно-политическое влияние, захватывали всё новые и новые земли. Родной дед Исмаила шейх Джунейд, погибший на поле боя в 1460 году в Ширване, оставил в наследство своему сыну Гейдару государство внушительных размеров. Став новым сефевидским правителем, шейх Гейдар женился на дочери правителя государства Аггююлу Гасана Длинного (Узун Гасана) Алемшах ханум. При шейхе Гейдаре (1460-1488) в результате неоднократных военных походов границы сефевидского государства еще более расширились.

Рост мощи и влияния шейха Гейдара всё больше беспокоил его шурина, султана Ягуба (1478-1490), который правил государством Аггююлу после своего отца Гасана. И он заключил союз с Ширваншахом Фаррухом Ясаром против своего зятя. В 1488 году в предгорье Шахдага войска сефевидов сошлись с объединёнными силами противника. В этом братоубийственном сражении шейх Гейдар погиб. Султан Ягуб завоевал Ардебиль и остальные земли сефевидов, а сыновей Гейдара, своих племянников Султанали, Ибрагима и малолетнего Исмаила взял в плен.

После смерти султана Ягуба в 1490 году в течение девяти лет между наследниками Узун Гасана и сефевидами шла кровавая борьба за власть. **В эти годы маленький Исмаил был спрятан близкими друзьями отца в Гиляне, его воспитанием и образованием занимались самые известные учёные того времени.** Исмаил в совершенстве овладел персидским и арабским языками, изучил Коран, освоил теорию поэзии, фольклор, восточную литературу, теологию, а также основы астрономии и математики, каллиграфию, рисование. Его обучали искусству боя в разных ситуациях, а также джигитовке - одним словом, всем премудростям военного дела.

Наконец в 1499 году 12-летний Исмаил вышел из Гиляна во главе маленького отряда из семидесяти верных воинов. В пути к нему присоединялись многочисленные соратники его отца шейха Гейдара, так что в родной Ардебиль он вошёл с семитысячным войском. В 1500 году под предводительством 13-летнего Исмаила отряды кызылбашей (такое наименование появилось от красных повязок, которые носили бойцы) разгромили многотысячное войско ширваншаха Фарруха Ясара у крепости Гюлистан. В середине 1501 года войска кызылбашей одержали

Мавзолей в Ардебиле, где похоронены шах Исмаил Хатаи и его потомки

Памятник шаху Исмаилу Хатаи в Ардебиле

блестящую победу над силами Аггоюну под командованием Алвенда Мирзы на Шарурской равнине недалеко от Нахчывана. Таким образом, **Нахчыван, Карабах, Баку и другие области Азербайджана перешли под власть юного полководца Исмаила. В середине осени 1501 года 14-летний победитель триумфально вступил в Тебриз и объявил себя шахиншахом государства Сефевидов.** Вскоре он подчинил весь Иран, Афганистан, Азербайджан, восточную часть нынешней Турции, Грузию, арабский Ирак, государство узбеков. Со временем и многие другие страны и области Ближнего и Среднего Востока признали авторитет государства Сефевидов и перешли под его политическое влияние. Шах Исмаил объявил шиизм государственной религией.

По приказу молодого шаха по всей стране искали талантливых и энергичных людей; **ко двору приглашали видных деятелей культуры, и все они находились под личным покровительством Хатаи.** Достаточно назвать имена великих художников **Камаладдина Бехзада**, автора всемирно известного ковра «Шейх Сефи», **Султана Мухаммеда**, создателя многочисленных миниатюрных шедевров, знаменитого астронома и математика **Гиясаддина**, гениальных поэтов **Кишвери, Хабиби, Сурури, Шахи**, славного ашуга **Гурбани**. Шах основал в Тебризе библиотеку, где работали изготовители манускриптов. **Годы правления Исмаила Хатаи**

стали временем расцвета азербайджанской государственности, культуры и национального самосознания. Азербайджанский язык был объявлен официальным государственным языком на обширной территории от Дербента до Персидского залива, и такое положение сохранялось более ста лет.

При шахе Исмаиле Хатаи государство Сефевидов находилось в зените могущества. Это вызвало серьезное беспокойство в соседней Османской империи. В результате османско-сефевидское столкновение стало неизбежным. Это произошло 23 августа 1514 года. В битве при Чалдыране фортуна отвернулась от шаха Исмаила, и 200-тысячная османская армия султана Селима I – ярого противника шиизма одержала победу. Эта битва была самым кровавым, братоубийственным сражением и вошла в историю как общая трагедия тюркского мира, и как стратегическая победа грязной, коварной Западной политики. К сожалению, это событие стало началом распада государства Сефевидов.

После Чалдыранской битвы во взглядах шах Исмаила Хатаи произошли коренные изменения, он не нападал на соседние государства, за исключением походов на Ширван и княжества Грузии. Заметно стал предпочитать в государственной политике дипломатические методы управления, по возможности избегая кровавых войн.

В мае 1524 года шах Исмаил приехал в Арdebиль поклониться гробнице отца и заодно поохотиться. Ему стало плохо, вмешательство врачей, к сожалению, не помогло. В расцвете сил 23 мая в 37-летнем возрасте великий полководец и шахиншах азербайджанской поэзии скоропостижно скончался близ родного города. Шах Исмаил Хатаи был похоронен в Ардебиле в усыпальнице сефевидских шейхов – мавзолее «Шейх Сефи». Умирая, великий правитель и гениальный поэт собрал своих близких и на прощание сказал: *«Три ценности оставили нам мудрые предки, и я завещаю их вам: наш язык, нашу честь и нашу Родину – берегите же их как зеницу ока!»*

У шаха Исмаила от трёх жён родилось пять сыновей – Рустам Мирза, Тахмасиб, Сам Мирза, Алхас Мирза и Бахман Мирза, и пять дочерей – Ханым ханум, Перихан ханум, Махинбану ханум, Фирангиз ханум и Шахзейнаб ханум.

Шах Исмаил Хатаи наряду с государственными заботами находил время для серьёзных занятий

поэзией: политическая и литературная деятельность органически дополняли друг друга. Писал стихи под поэтическим псевдонимом «Хатаи» – по-персидски «грешник». Хатаи – автор двух **сборников стихотворений – «Диванов» на тюркском и персидском языках, дидактико-философских произведений, нравственно-поэтического трактата «Книга наставлений», различных образцов силлабического стихосложения: гошма, варсагы, герайлы, баяты. Девятнадцати лет от роду (1506) написал поэму «Дехнаме» («Десять писем») – блистательный образец лирико-эпической поэзии на родном тюркском языке. Известно, что его перу принадлежат и талантливые стихотворения на арабском языке. Но подлинную ценность поэзии Хатаи определяют, прежде всего, произведения, созданные на родном языке. Его стихи, близкие народному духу, питающиеся народным складом мышления, ещё при жизни переходили из уст в уста.** Ашуги исполняли стихи Хатаи, сочиняя на них музыку, создавали поэтические сказания о достославном шахе-поэте. Популярность поэзии Исмаила Хатаи на родном языке не ограничилась только Азербайджаном, она распространилась далеко за его пределами и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие поэзии других тюркских народов.

Старейшая рукопись стихов Хатаи – «Диван» хранится в настоящее время в Ташкенте и датируется 1535-м годом. Её переписал во дворце шаха Тахмасиба I знаменитый каллиграф Шах Махмуд Нишапури. Она содержит 262 касыды и газели, 10 четверостиший. Вторая рукопись, относящаяся к 1541 году, хранится в Париже и содержит 254 касыды и газели, 3 матнаки, 1 мураббе, 1 мусаддес.

Ценную информацию о творчестве Хатаи мы находим в труде его сына **Сам Мирзы** (1517-1567) «Тохфейи-Сами» («Подарок Сами»), и летописи **Искандера Мунши** (1560-1634) «Тарихи-алемарайи-Аббаси» («История украшателя мира Аббаса»). Классики азербайджанской литературы XIX века **Аббаскули ага Гудси Бакиханов** (1794-1847) и **Сеид Азим Ширвани** (1835-1888) также проявили пристальный интерес к творческому наследию Хатаи. Первым обстоятельным исследованием творчества Хатаи можно назвать посвященный этой теме объёмистый

раздел в труде **Юсифа Везира Чеменземинли** (1887-1943) «Взгляд на азербайджанскую литературу». Нелишне будет также с благодарностью упомянуть имена известного азербайджанского литературоведа **Салмана Мумтаза** (1884-1941) и турецкого учёного **Мехмета Фуата Кёпрюлю** (1890-1966). Академик **Гамид Араслы** (1909-1983) в 1946 году издал две книги Хатаи - «Газели» и «Дехнаме», снабдив их обстоятельными предисловиями.

В 1975-76 годах видный азербайджанский востоковед **Азизага Мамедов** издал в Баку двухтомник произведений Хатаи, снабжённый предисловиями, словарём и научными комментариями. Ценные исследования жизни и творчества Хатаи принадлежат **Турхану Гянджейи, Мирзе Аббасову и Азаде Рустамовой.**

Исмаил Хатаи был магически привлекательной личностью. Народ видел в нём не только всемогущего властелина, но и духовного вождя – такова сила его пленительной лиры. **Хатаи создавал свои произведения в формах народной поэзии, на общепонятном языке, близком к живой речи.** Его строфы вдохновляли воинов на поле брани. Но великий поэт не ограничивался

трибунным пафосом, его перу принадлежат многочисленные гошма, варсагы, герайлы и баяты, воспевающие красоту природы, божественную и земную любовь, возвышенные человеческие чувства.

В лирике Хатаи отчётливо выражено **органическое переплетение с фольклором**. Магия искромётного народного сказа, ашугского напева, звуки звонкострунного саза очаровывали будущего правителя и поэта ещё с малых лет.

Влияние Хатаи на позднейшее развитие азербайджанской литературы велико и многогранно. Колоритная и яркая поэзия Хатаи своим демократическим духом, слогом и стилем, национальным менталитетом внесла свежее дыхание в литературу. Именно в этом секрет бессмертия и непреходящей притягательности наследия великого азербайджанского поэта. ❀

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lüğəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s.
2. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. X cild. Bakı, 1987, 608 s.
3. Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989, 344 с.

4. Ислам. Историографические очерки. М., 1991, 232 с.

5. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, 2005, 453 с.

6. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, altı cildə. Cild III. Bakı, 2009, 736 s.

7. Ценнее золота. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М.Багирова). М., 2010, 646 с.

The article presents a brief biography and characterization of the great Azerbaijani poet, military leader, statesman and founder of the largest Azerbaijani Safavid state in history, Ismayil Khatai. The author points to the contribution of Khatai to the enrichment of the Azerbaijan poetic language and to the development of the poetry of a number of other Turkic peoples, noting that one of the most valuable features of his work is the proximity of the poetic language to living popular speech. It also notes the contribution of Shah Ismayil to the development of Azerbaijani culture and the Azerbaijani language, which was declared a state language for the first time.

СЛОВО

Всегда народная молва
Правдивое ценила слово.
Нас учат разуму слова, –
Людей объединило слово.

За слово платят головой.
Есть слово, что ведёт нас в бой.
Об этом ведаёт любой,
Что горький яд сластило слово.

Пред тем, как слово произнестъ,
Его сперва разумно взвесь,
Беги от слов, таящих лесть,
Чтоб душу не смутило слово.

Я без любимой изнемог.
В намёке этом скрыт упрёк.
Сто тысяч нежных слов изрёк,
Но злое их сгубило слово.

Служитель слова, Хатаи,
Свои познания не таи,
Слова поведают твои
О силе, что сокрыло слово.

ОПЯТЬ

Проходит зимняя пора, весь мир расцвёл весной
опять.
Пора нам, зиму проводив, устроить шумный той
опять.

Ты, виночерпий, поспеши нам чашу винную налить.
Фиалка вновь опьянена, нарцисс поник хмельной
опять.

В час пира множеством цветов пестрит благоухан-
ный сад,
И лес, и поле – вся земля одеты в шёлк цветной
опять.

Пришла весна, пришёл Новруз, соединяющий сердца,
И, как возлюбленной рука, стал розов мир земной
опять.

Плывут в смятенье облака, дождь милосердия пролив.
Упал, мерцая, с высоты жемчужин звонкий рой
опять.

Цветоподобная моя гуляет в утреннем саду,
Смирилась роза, преклоняясь пред юной красотой
опять.

Памятник шаху Исмаилу Хатаи в Баку

Кичился станом кипарис, но облик милой увидав,
Согнулся и покинул сад, на берег став речной опять.

Стенают птицы средь ветвей, увидя розовость
ланит.
Свистит, рочечет соловей, от страсти сам не свой
опять.

Воспрянь, печальный Хатаи, покинь прибежище
тоски,
Пришла пора, ступай в цветник обрызганный росой
опять.

НАСТАЛО ВРЕМЯ

Старик, забудь о седине, стать молодым настало
время.
Весной здоровье возвратить сердцам больным
настало время.

Разлуки кончилась пора, мы будем счастливы
отныне,
Увидеть ясным небосвод и голубым настало время.

Что ж ты молчишь, птенец души, взгляни, весна
благоухает, –
Укрыть лужайки и сады ковром цветным настало
время.

Пусть, всех соперников поправ, влюблённый счаст-
лив будет с милой.

Врата Эдема отворить сердцам простым настало время.

О сердце, пей напиток тот, что нам дарован
Ковсаром
Прильнуть к устам любви живым, к устам родным
настало время.

Ты, сердце, цели достигай, не обольщайся суетою,
Возвеселись! Хвалу творцу мы воздадим, – настало
время!

Ты, раб, надежды не теряй в бесправном и суровом
мире.
К стопам султана припадай, он стал благим, настало
время.

О, сердце, цель свою избрав, на мотылька не будь
похожим.
Сменить угасшую свечу огнём дневным настало
время.

Знай, Хатаи, с туманом схож дым от твоих бесплот-
ных вздохов.
Пусть слёзы хлынут словно сель, зло сокрушить
настало время.

ЛЮБИМАЯ ПРИШЛА

В мой дом любимая пришла, – все в изумленье гово-
рят.
Меня увидя средь живых, о воскрешенье говорят.

Разлука длилась целый век, но ты не сетуй на
судьбу,
Твоим недугам и скорбям есть излечение, говорят.

Мне ветер веющий шепнул, что появился Сулейман,
И муравей ему принёс своё даренье, говорят.

Душой пожертвуй, Хатаи, за несравненную свою,
Она явилась гостьей в дом, – в благоговенье говорят.

ТЕБЕ ПОДОБНОЙ НЕТ

Приди, душа моя больна – тебе подобной нет.
Ты воцарилась в ней одна, тебе подобной нет.

Богopodobная моя, ты в крепости разлук –
В груди моей заключена, тебе подобной нет.

Как Хызр, блуждаю в царстве тьмы, на помощь поспеши!
Я жажду, дай испить вина, тебе подобной нет.

Всё, что желаешь – прикажи, любимая моя, –
Любовью жизнь озарена, тебе подобной нет.

Смиренно просит об одном несчастный Хатаи:
Будь милосердна и нежна – тебе подобной нет!

УЙДЁТ

Если ты меня разлюбишь – сердца тайный клад
уйдёт.
Дух живой покинув тело, не придя назад уйдёт.

Неужели мне не видеть пламенеющих ланит,
И кудрей, пропахших амброй, золотой каскад
уйдёт?

Я огнём палящих вздохов обжигая небосвод,
Ширь земли испепеляю... Всё живое в ад уйдёт.

Отпусти мой грех невольный, милосердые прояви, –
Пусть суетное, злое, что тревожит взгляд, уйдёт.

Если лик твой не увидит злополучный Хатаи,
Он умрёт - из этой жизни, хоть тому не рад, уйдёт.

НАЗЫВАЮ

Лик твой юною луною в восхищенье называю,
Тонкий стан твой кипарисом я в волненье называю.

Брови сравниваю с луком и со стрелами – ресницы,
Лоб – светильник, кудри – полночь, в дерзновенье
называю.

По тебе я изнываю, но печаль меня врачует,
Ведь тебя своей душою в ослепленье называю.

О стройнейшая из стройных, соловей мой сладко-
гласый!
Цветником твои ланиты предвесенним называю.

Хатаи, ты страсть к любимой поместил в руинах
сердца.
«Кто она?» – «Всего на свете драгоценней!» – называю.

РАБ РАБОВ

Похитить сердце ты смогла, и дух мой изнемог.
Своей единственной душой назвать тебя я смог.

Твой лик – светильник огневой, горю в его огне,
Ты не промолвишь никогда: «Мой бедный мотылёк!»

Узнай, любимая, с тобой разлука не страшна,
Ведь каждой ночью снова ты приходишь в мой чертог.

Глаза твои опьянены, а стан твой, как кумган.
Слова, как мёд. Уста таят живой воды глоток.

Ты улыбнёшься, и тогда блеснёт жемчужин ряд,
Так в створках раковины перл колеблет огонёк.

Перчинка – родинка твоя сквозит в густых кудрях,
И я, как птица, угодил в обманчивый силлок.

Спросил я: «Кем твой Хатаи сочтётся среди рабов?»
Она сказала: «Раб рабов, коль так влюбиться мог!»

ОСТАЛИСЬ

Та луноликая ушла, страданья мне одни остались.
Тревоги, горести, болезнь – в удел теперь они остались.

О пери, прелестью своей гордиться так не подобает,
Знай, смертны в мире я и ты, – недолгие нам дни остались.

Подобно высохшей слезе ты из очей моих исчезла.
Я плакал, вспомнив о тебе, следы тех слёз, взгляни, остались.

Ведь с той поры, как ты ушла, так горевал я неутешно,
Что все страдания земли теперь навек в тени остались

Похитив душу, скрылась ты, о разорительница злая.
На что мне тело без души? Стенанья Хатаи достались!

ВО СНЕ?

Была ты рядом, о душа, иль грезилась во сне?
Иль то луна сошла с небес в вечерней тишине?

Не ливень влагой дождевой порог твой окропил –
Я слёзы сердца проливал с собой наедине.

Соперник, тучей грозовой мой день не омрачай,
Не вздумай солнце закрывать в небесной купине.

То не ладья с трудом плывёт в безбрежности морской,
Застлали слёзы мой зрачок, он гибнет в их волне.

Молил я: «Не верши разбой, не мучай Хатаи!»
Она сказала: «Не горюй, так пожелалось мне!»

ТВОИ ЛОКОНЫ

Я видел: локоны твои луну завесой прикрывают,
Они подобны облакам, но только вдаль не улетают.

Весь мир с небесной высоты, как солнце,
озаряешь ты,
Но беззащитного раба луч доброты не согревает.

Руины, мёртвые на взгляд, порой сокровище таят,
Знай, в сердце брошенном моём любовь глубинно обитает.

В пустыне молится аскет, ему до жизни дела нет,
И в простоте уверен он, что дело доброе свершает.

Твоя любовь меня сожгла, до исступленья довела,
Она похожа на костёр, в его огне кебаб сгорает.

ПРЕЛЕСТНЫЙ ЛИК

Я возлюбленной сегодня увидел прелестный лик,
Щёки – рдеющие маки, кудри словно базилик.

Восхищённые бутоны загляделись на неё,
И тогда заря, ревнуя, обагрила кровью их.

Те соперницы, что тщились красотой тебя затмить,
В изумленье онемели, прикусили свой язык.

У меня одно прошение: приоткрой чуть-чуть уста,
Там пленительно мерцает ряд жемчужин дорогих.

Эти родинки, две точки, пара чёрных негрят
Сторожат твой рот пурпурный, красноречия родник.

Сам Меджнун наверно смог бы предпочесть тебя
Лейли,
Если б образ совершенной на пути его возник.

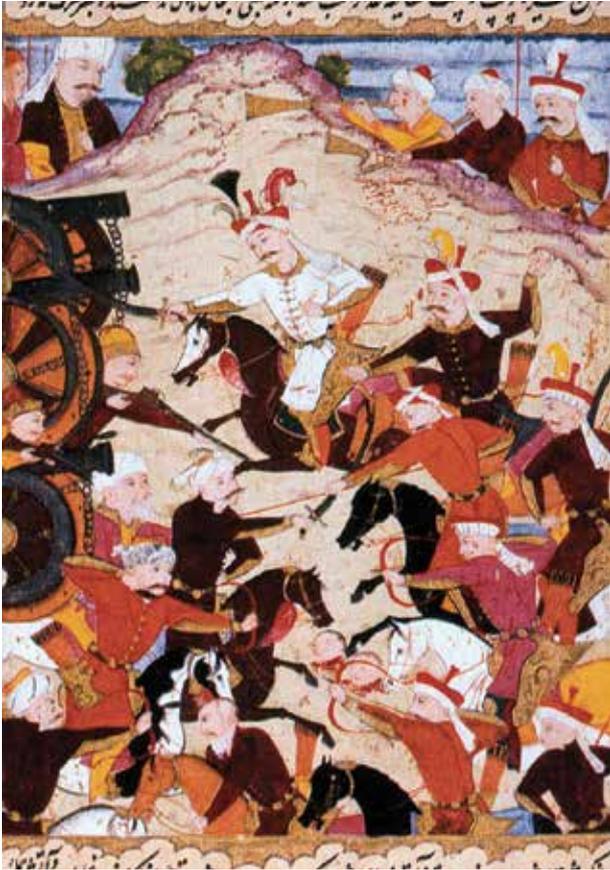
Подними свои ресницы, погляди на Хатаи, –
На твоём пороге стоя, проливает слёз родник!

НИ К ЧЕМУ

Сердце, в ветреную деву быть влюблённым ни к чему,
Верить лживым обещаньям умудрённым ни к чему.

Аромат цветка вдыхая, о шипы не уколись,
Еслиловишь куропатку, то ворона ни к чему.

Знай, изменнице лукавой верность нечего хранить.
Ей, притворщице надменной, слушать стоны ни к чему.

*Чалдыранская битва. Миниатюра XVI века.
В центре в белой одежде шах Исмаил*

Лань прекрасными глазами льва сумела укротить.
Хоть, поверьте, мусульмане, лев пленённый ни к
чему.

Хатаи, свои мученья не рассказывай чужим, –
Открывать, что в сердце скрыто потаенно, – ни к чему.

КИНУЛ ГРОШ

Розовощёкая моя, гляжу, как ты идёшь.
Я рад, как нищий, в чью суму прохожий кинул грош.

Когда я грудью всей вздохну, то мой тяжёлый вздох
Разрушит гору Бисутун – камней не соберёшь.

И потому тяжёлый вздох я в сердце затаю, –
Так прячет грузы караван, разбойный чужой нож.

В лицо любимой поглядеть стесняется луна.
На утро в солнечном дыму твой юный лик похож.

Своё достоинство хранит печальный Хатаи,
Ведь если стану я грустить, смеяться ты начнёшь.

ИСЦЕЛИТЕЛЬНИЦА РАН

Телом я располагаю, дух во власть любимой дан.
От души я отказался, страстью к милой обуян.

Изнурён я злым недугом, ты лекарство мне даёшь,
Врачевательница духа, исцелительница ран.

Я всего лишь пленник робкий у порога твоего,
Счастлив тем, что милосердьем, словно солнцем,
осиян.

Твердь земная, звёзды неба ей одной принадлежат.
Счастья светлая вершина, покорительница стран.

Я узрел уста любимой – пламенеющий рубин.
Хиндистан ей подчинился и великий Туркестан.

Кто посмел тебя отвергнуть, тот безбожный еретик,
Кто влюблён в твой лик, – читает на лице твоём
Коран.

Разве локоны любимой причесала машшатэ,
Эти царственные кудри, источавшие дурман?

Миср и Чин, Ирак с Кирманом ей одной
принадлежат.
Фарс пред нею преклонился, восхитился Хорасан.

Ради радости любимой сделай голову мячом,
Чтоб она, рассыпав кудри, поиграть смогла в
човган.

Хатаи, ты должен в жертву плоть и душу принести.
Той, которой мир подвластен, и земля, и океан.

ШАХИНШАХ СЕДЫХ ВРЕМЁН

Я султан отчизны счастья, шахиншах седых
времён.
Скорбь и горе, два визиря, встали с двух моих
сторон.

Мне печаль разлуки долгой сердце пламенем
сожгла,
И от этого несчастья мозг был в воду превращён.

Я – орёл, пред высью Кафа не склоняющий главы,
Сфинкс, детёнышей полёту обучавший искокон.

Презираем полководец, угодивший в плен врагу,
Хатаи не счёл позором сдаться гурии в полон.

Перевод Татьяны Стрешневой